

О.Н. СКОРОХОВА

США И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА В УСЛОВИЯХ НЕФТЯНОГО КРИЗИСА 1973–1974 годов

В 1973 г. в условиях очередной арабо-израильской войны (называемой также Октябрьской войной и войной Судного дня) разразился энергетический кризис, порожденный решением арабских стран использовать “нефтяное оружие” – запрет на поставки нефти в западные страны, поддерживающие Израиль. Эмбарго ввергло мировую экономику в глубочайший со времен Великой депрессии экономический кризис, а последовавшее за ним повышение цен на “черное золото” ознаменовало конец эры “дешевой нефти” в мировой истории. В поисках путей выхода из “энергетической ловушки” политическое руководство и научное сообщество западных стран перешли к построению новой эффективной, науко- и энергоемкой модели экономики. Этот цивилизационный скачок не был ни простым, ни легким, поскольку ему предшествовали серьезные и болезненные изменения во всех сферах жизни общества. На международно-политическом уровне “нефтяной шок” 1973–1974 гг. стал испытанием на прочность для западного блока, поскольку “атака” стран-производителей нефти была направлена в первую очередь против США и их союзников.

Европейская дипломатия традиционно занимала первую строчку во внешнеполитической повестке Вашингтона. В конце 1960–1970-х годов стратегия США на этом направлении носила сложный и противоречивый характер¹. В военно-стратегическом плане все еще сказывались последствия “кризиса доверия” НАТО, спровоцированного выходом в 1966 г. деголлевской Франции из военной организации Альянса². Аналогичного рода “трения” наблюдались и в экономической сфере. Прежде всего к концу 1960-х годов США, главный гарант созданной по итогам Второй мировой войны экономической системы, потеряли статус ее абсолютного и единственного лидера. Скачок военных расходов в связи с войной во Вьетнаме, резкое расширение социальных обязательств государства в рамках программы “Великое общество” вывели американскую экономику из равновесия. Пытаясь справиться со скачкообразной инфляцией и остановить перенапряжение экономики, 15 августа 1971 г. президент США Р. Никсон выступил с программой “новой экономической политики”, которая помимо всего прочего предусматривала беспрецедентную меру – повышение на 10% ввозных пошлин, что противоречило доктрине открытой экономики и свободе торговли, проповедуемым США на протяжении всего послевоенного периода³. “Уолл-стрит джорнэл” дал весьма красноре-

Скорохова Ольга Николаевна – аспирантка кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ *Кокошин А.А.* США: за фасадом глобальной политики. М., 1981; *Мельников Ю.М.* Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона, 1945–1982 гг. М., 1983; *Никонов В.А.* Республиканцы: от Никсона к Рейгану. М., 1998.

² *Манькин А., Пилько А.* Солидарность добровольная и вынужденная в исторической ретроспективе НАТО. – *Международные процессы*, т. 9, № 2 (26), май–август 2011.

³ *Сидоров А.А.* Мировая экономика и международные отношения в эпоху Холодной войны. Проблемы взаимосвязи и взаимозависимости. М., 2005, с. 128.

чивый комментарий в этой связи: «Правительство США готовится к “холодной войне” против остального Свободного мира»⁴.

Аналогичного рода явления наблюдались и в финансовой сфере. Отказ от конвертируемости доллара в золото в рамках “новой экономической политики” и переход к системе “плавающих” валютных курсов в 1973 г. ознаменовали существенную модификацию или, по мнению ряда ученых, даже крах послевоенной Бреттон-Вудской финансовой системы, базировавшейся на превращении доллара в единственную мировую резервную валюту, курс которой был привязан к золоту.

В то же время серия “экономических чудес” 1950–1960-х годов изменила положение западноевропейских стран (прежде всего ФРГ) и Японии на мировой экономической арене. Послевоенные успехи социально-экономического развития этих стран заставляли политическую элиту США все чаще говорить о “трех столпах” мировой экономики. “Близкое и конструктивное сотрудничество между Европейским сообществом, Японией и США – тремя столпами экономики Свободного мира – будет иметь важнейшее значение”, – заявил президент Р. Никсон в 1973 г.⁵

1960-е годы подготовили переход ЕЭС на принципиально иной уровень интеграции. В октябре 1970 г. был одобрен проект, ставивший амбициозную задачу создания на территории ЕЭС к 1980 г. экономического и валютного союза (план Вернера)⁶. Успехи в экономической области шли рука об руку с начинаниями политического характера. В 1969 г. по итогам Гаагской сессии Комиссии Европейского сообщества был создан механизм “Европейского политического сотрудничества” (ЕСП). В октябре 1970 г. ЕСП подготовило так называемый доклад Давиньона, предлагавший укрепить европейское единство на внешнеполитической арене путем проведения регулярных встреч министров иностранных дел. Таким образом, был разрешен давний спор между сторонниками усиления политической интеграции внутри ЕЭС через создание наднациональных структур (концепция “европейского отечества”) и адептами концепции “Европы отечеств” (их лидером был французский президент Ш. де Голль), выступавших за сохранение широких прав за национальными правительствами⁷.

В этом же ключе стоит рассматривать и первое расширение ЕЭС (1973 г.). Факт принятия Великобритании в Сообщество имел, как нам кажется, неоднозначное влияние на природу отношений внутри ЕЭС и на динамику его отношений с США. С одной стороны, Великобритания ввиду давних “особых отношений” с Вашингтоном воспринималась многими континентальными политиками как “тройянский конь”, носитель идей атлантизма. Ее членство в ЕЭС, как казалось, изменило соотношение сил в пользу сторонников укрепления связей Европы с США, противостоявших так называемым европеистам-националистам деголлевской формации, т.е. сторонникам проведения более независимого от Вашингтона внешнеполитического курса⁸. С другой стороны, как считают многие исследователи, даже принятие самого верного союзника США в состав ЕЭС не смогло остановить рост самостоятельности европейского крыла западного блока⁹.

Модификация послевоенного баланса сил рубежа 1960–1970-х годов не ограничивалась ядром системы международных отношений, она затронула и ее периферию. Потеря безусловной гегемонии США в экономической сфере создавала пространство для

⁴ The Wall Street Journal, 1971, August 17, p. 1.

⁵ Richard Nixon. Public Papers of the Presidents of the US, 1973, May 3, Fourth Annual Report to the Congress on United States Foreign Policy: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/>.

⁶ Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее. Отв. ред. А.С. Маныкин. М., 2010, с. 67.

⁷ Барановский В.Г. Европейское сообщество в системе международных отношений. М., 1986.

⁸ Колосов Г.В. Военно-политический курс Англии в Европе. М., 1984; Ovendale R. British Defense Policy since 1945. Manchester, 1994.

⁹ Барановский В.Г. Указ. соч., с. 174; Воронцов Г.А. Атлантические отношения и современность. М., 1977, с. 99–100, 102; Лукин В.П. Центры силы: концепция и реальность. М., 1983, с. 196; Уткин А.И. Доктрина атлантизма и европейская интеграция. М., 1979, с. 43.

маневра новых игроков. Энергетический кризис явился прямым следствием этой тенденции, поскольку он был запущен решением ОПЕК, Организации стран – экспортеров нефти, образованной в 1960 г. пятью странами “третьего мира”.

Успеху деятельности ОПЕК способствовала “нефтяная революция”, происшедшая в мировом ТЭК во второй половине XX в., а именно превращение нефти в главный вид топлива и незаменимый источник сырья. Это привело к изменению в энергетической геополитике – к превращению Ближнего Востока, где издержки добычи нефти были на порядок ниже, чем в других регионах, в главного поставщика “черного золота” в страны Запада. К 1973 г., т.е. к началу Октябрьской войны, зависимость Европы от нефти ОПЕК составляла 80%, Японии – 92%, США – 16%¹⁰.

Вплоть до начала 1970-х годов механизм обеспечения развитых стран нефтью работал бесперебойно, поскольку у руля мирового нефтяного рынка находились семь крупнейших западных корпораций – так называемые “Семь сестер”: British Petroleum, Royal Dutch Shell, Exxon, Gulf Oil, Mobil, Chevron, Texaco. Отношения со странами-экспортерами были делом бизнеса, а не государства, причем считалось, что эта модель отношений работает эффективно. Так, в одном из докладов ЦРУ, опубликованном в 1969 г., вероятность возникновения трудностей с импортом нефти в США в ближайшие 10–20 лет оценивалась как крайне низкая¹¹.

Вместе с тем и экономический, и политический ландшафт Большого Ближнего Востока, поставлявшего около 50% нефти на мировой рынок, претерпевал серьезные изменения. Образование Ливийской Джамахирии в итоге революции 1969 г. знаменовало усиление радикалов в регионе и положило начало процессу “огосударствления” вопроса о продаже нефти. Своеобразной точкой отсчета здесь служит 1971 г. Именно с 1971 г., следуя примеру полковника М. Каддафи, который в сентябре 1970 г., в первую годовщину создания Джамахирии, добился повышения расчетных цен на ливийскую нефть на 30%, страны – члены ОПЕК стали предпринимать меры (повышение цен на нефть и доходов государств в процентном отношении к суммам сделок, частичная и полная национализация), которые серьезным образом снизили потенциал влияния ТНК на мировой нефтяной рынок.

Реакция США и европейских стран на “наступление ОПЕК” была различной, что объясняется неравенством стартовых переговорных позиций Старого и Нового света в нефтяном вопросе. Оно проистекало не только из более высокой степени зависимости европейских стран от нефти ОПЕК, но и из разной структуры этой зависимости. Если США в значительной мере полагались на поставки “черного золота” из Ирана и Саудовской Аравии, с которыми Вашингтон связывали давние очень тесные отношения (Саудовская Аравия в 1971 г. поставляла 3,25%, Иран – 2,9%, Ливия – 1,3%, Кувейт – 1%, Ирак – 0, 3% от общего объема нефтяного импорта США)¹², то европейские страны, согласно данным ЦРУ, покупали 30% всей импортируемой нефти в странах Северной Африки, прежде всего в Ливии¹³. Стоит ли говорить о том, что ведение переговоров с Каддафи было гораздо более сложным, чем диалог с шахом Ирана. Кроме того, европейские страны зависели в своих поставках от американских компаний, за исключением Великобритании и Нидерландов, владевших двумя из семи компаний – “нефтяных сестер”, British Petroleum и Royal Dutch Shell.

В силу этих причин попытки выработать общую, американско-европейскую платформу в отношении “наступления ОПЕК” в докризисный период не принесли успеха. Так, еще в конце 1970 г. представители нефтяных корпораций обратились с просьбой к пра-

¹⁰ OAPEC, Secretary General’s First Annual Report presented to the 13th Ordinary Meeting of the Council of Ministers. Kuwait, 1974, p. 21.

¹¹ Foreign Relations of the United States (далее FRUS) 1969–1976, v. XXXVI. Energy Crisis, 1969–1974. Washington, 2011, p. 25.

¹² Ibid., p. 303.

¹³ National Intelligence Estimates, No 20/30-70, Security of Oil Supply to NATO and Japan, 1970, November 14, Secret, Approved for Release Nov. 2000.

вительству США разрешить им вести переговоры со странами ОПЕК единым фронтом, а не по отдельности, что могло бы укрепить их переговорные позиции, но противоречило антимонопольному законодательству. В начале января 1971 г. по настоянию государственного департамента министерство юстиции удовлетворило их просьбу, а 17 января 1971 г. в Тегеране состоялись переговоры заместителя государственного секретаря Дж. Ирвина с шахом и министром нефтяной промышленности Ирана Дж. Амузегаром, имевшие целью продемонстрировать поддержку ТНК со стороны Белого дома¹⁴.

Однако помощь Белого Дома нефтяным корпорациям вызвала неоднозначную реакцию в Европе. Европейские страны отвергли предложение Нидерландов, родины Royal Dutch Shell, использовать имеющиеся запасы нефти с тем, чтобы оказать ТНК поддержку¹⁵. Европейские правительства вовсе не хотели обратить на себя гнев ОПЕК, “таская каштаны” из огня для голландской, американских и английских нефтяных компаний. Но уже одно то, что в 1971 г. вопрос помощи ТНК стал предметом дискуссий в ЕЭС и в госдепартаменте служит важным доказательством того, что именно в этом году начался процесс “огосударствления” проблемы нефти.

Стоит заметить, что и сами США в итоге отказались от открытой поддержки “капитанов” нефтяной индустрии. Рассматривая свои отношения со странами – членами ОПЕК на широком политическом фоне, Вашингтон в условиях нарастания напряженности и усиления позиций радикалов в арабском мире видел своей принципиальной задачей предотвратить распространение взглядов в духе Каддафи и подобных ему членов арабской семьи народов. ТНК же были настроены на то, чтобы сохранить свои позиции на рынках арабских стран любой ценой, что, как следует из документов, приводило в немалое раздражение политический истеблишмент США¹⁶. Осторожная позиция Вашингтона в конфликте между компаниями и правительствами ОПЕК также была обусловлена тем, что в условиях окончательного ухода Великобритании в 1972 г. из ключевого в геополитическом плане региона Ближнего Востока какие-либо жесткие меры против стран ОПЕК могли повлечь далеко идущие политические последствия¹⁷.

Несмотря на разницу исходных позиций, США и их европейские партнеры все же предпринимали попытки по выработке мер, которые могли бы гарантировать поставки нефти в развитые страны, прежде всего, на уровне Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в рамках которой с 1960 г. действовал специальный Комитет по нефтяному вопросу. Одной из таких мер мыслилось создание значительно по своим размерам запаса нефти, который мог бы послужить “подушкой безопасности” для экономик развитых стран в случае сбоя в поставках и, соответственно, снизить желание стран ОПЕК перекрывать нефтяной кран. Однако союзники так и не смогли прийти к единому мнению о размерах (в днях потребления) этих запасов. Текущие резервы большинства стран не превышали 50 дней, в то время как, по мнению Италии, даже запасы в 120 дней были бы недостаточными для того, чтобы удержать страны ОПЕК от осуществления крайних мер – эмбарго на поставки нефти, с политическими или иными целями¹⁸.

Выработка западными странами согласованной платформы в отношении ОПЕК столкнулась с классической проблемой пределов сотрудничества. Европа хотела добиться от Вашингтона обязательств повысить собственный уровень добычи в чрезвычайных обстоятельствах с тем, чтобы осуществлять снабжение “черным золотом” ЕЭС (США обладали самыми внушительными запасами нефти среди стран НАТО). Но ожидания

¹⁴ Multinational Oil Corporations and US Foreign Policy, Report to the Committee of Foreign Relations US Senate by the Subcommittee on Multinationals Corporations. Washington, 1975, p. 128.

¹⁵ FRUS 1969–1976, v. XXXVI, p. 298.

¹⁶ Ibid., p. 191.

¹⁷ FRUS 1969–1976. v. XXIV. Middle East Region and Arabian Peninsula, 1969–1972; Jordan, September 1970. Washington, 2008, p. 338.

¹⁸ Ibid., v. XXXVI. Energy Crisis, 1969–1974. Washington, 2001, p. 153.

европейцев противоречили как мнению финансового ведомства, так и общей установке на консервацию собственных месторождений, взятой на вооружение США¹⁹.

В итоге вплоть до начала энергетического кризиса западные страны так и не предприняли практических шагов по выработке скоординированной политики в отношении “нефтяного картеля”. Отчасти это может быть объяснено тем, что в Вашингтоне не верили в реальность нефтяного шантажа (что очень беспокоило европейские страны). Как выразился президент Никсон, “арабские производители нефти не могут пить свою нефть – они нуждаются в рынке сбыта”²⁰. Кроме того, в Белом доме были уверены в лояльности Саудовской Аравии, сотрудничество с которой с 1972 г., с начала разработки министерством обороны США комплексной программы по модернизации саудовских ВВС, было переведено на новый стратегический уровень²¹.

Во многом такое “спокойствие” развитых стран можно признать необоснованным, поскольку к 1973 г. их зависимость от нефти ОПЕК приобрела политическое измерение. Арабские страны, составлявшие костяк организации, сообразно с тезисом об арабском единстве находились в противостоянии с Израилем, являвшимся главным клиентом США на Ближнем Востоке. Учитывая отсутствие серьезных шагов по урегулированию арабо-израильского конфликта, наметился процесс радикализации настроений даже среди политической элиты умеренно настроенных арабских стран, и экспорт нефти, а именно прекращение ее поставок, был осмыслен ими как инструмент в войне с Израилем. Еще в 1972 г. на заседании “радикальных” участников ОПЕК в Багдаде было принято решение об использовании в случае повторной “войны нефти” в качестве политического оружия²², а в июне 1973 г. во время визита короля Саудовской Аравии Фейсала в Каир в этом вопросе было достигнуто согласие между арабскими консервативными и радикальными политиками, что, стоит заметить, быстро стало достоянием прессы²³.

Именно поэтому летом и осенью 1973 г. западными странами были предприняты повторные попытки по разработке программы действий на случай возникновения чрезвычайного положения в нефтяной отрасли. Однако специальная группа, созданная по инициативе США при Комитете по нефтяному вопросу ОЭСР, так и не смогла разработать экстренную программу распределения нефти между западными союзниками. Вашингтон был готов делиться лишь той нефтью, которую он импортировал (16% от потребления), Япония, по понятным причинам, выступала за справедливое распределение всей потребляемой нефти, а Франция предлагала направлять “черное золото” в “жизненно важные отрасли производства”, что было неприемлемо для США с их огромным сектором частного автотранспорта²⁴.

Помимо попыток выработать согласованную стратегию действий на случай эмбарго, США и европейские страны разрабатывали индивидуальные чрезвычайные программы. 7 сентября 1973 г. министерство внутренних дел США представило доклад, предусматривавший координацию усилий развитых стран, поддержку корпораций, построение “особых отношений” с Саудовской Аравией по самому широкому кругу вопросов²⁵.

¹⁹ Ibid., p. 308.

²⁰ FRUS 1969–1976, v. XXIV, Middle East Region... Washington, 2008, p. 79.

²¹ Подробнее: *Пиотровская И.И.* Страны Аравийского полуострова: нефть, финансы, развитие. М., 1981.

²² Oil as a Weapon, International Seminar, Baghdad, 1972, November 11–14. Baghdad, 1973, p. 26.

²³ Sadat Setting Out Revised Policies. Faisal's Visit a Milestone. – New York Times, 19.VIII.1973; Arnaud de Borchgrave, Senior Editor of the New York Magazine. Middle Eastern Oil, the Address Delivered before the American International Club, Geneva, 1973, June 8. – Vital Speeches of the Day, 1973, September 15.

²⁴ FRUS 1969–1976, v. XXXVI, p. 298.

²⁵ Declassified Documents Reference System (далее DDRF), US Department of the Interior, Office of Oil and Gas, 1973, September 7, Declassified 5/07/05.

В недрах ЕЭС аналогичного рода программа была разработана еще в 1972 г., когда Европейская комиссия представила доклад “Необходимость прогресса в энергетической политике Сообщества”. В августе 1973 г. был подготовлен доклад “Основные направления энергетической политики Сообщества”²⁶. Следует заметить, что помимо обмена информацией относительно импорта и экспорта углеводородов, а также проведения совместных консультаций по процедуре поставок приоритетными задачами плана 1973 г. были названы обмен данными и координация усилий ЕЭС, США и Японии на площадке ОЭСР и развитие доверительных отношений со странами ОПЕК, чего американский план действий не предусматривал.

Несмотря на то, что западный мир понимал неизбежность вспышки насилия на Ближнем Востоке, все же война, разразившаяся 6 октября 1973 г., застала мировую общность врасплох. Это столкновение, несмотря на его локальный характер, приобрело значение системного конфликта, став индикатором политики разрядки. Обе сверхдержавы, СССР с 10, а США с 14 октября, наладили поставки оружия по воздуху своим клиентам, вмешавшись таким образом в конфликт, а упорное нежелание сторон прекратить кровопролитие даже по призыву ООН вынудило Москву и Вашингтон прибегнуть к крайним мерам – привести войска в состояние боевой готовности.

Кроме того, эта война стала завершающим этапом в процессе “огосударствления” нефтяной политики. Арабским странам, потерпевшим поражение на полях сражений, удалось одержать победу на психологическом и политическом фронте, найдя новое оружие в противостоянии с Израилем. 17 октября 1973 г. в Кувейте состоялось экстренное совещание министров нефтяной промышленности арабских стран – членов ОПЕК, на котором было принято решение о “нефтяной атаке”. Во-первых, вводилось эмбарго на экспорт нефти в страны, поддерживавшие Израиль, а ими по умолчанию являлись и все европейские страны – союзники США, и предусматривалось снижение уровня добычи на 5% в месяц. Эмбарго должно было действовать до тех пор, пока не будет найдена формула разрешения арабо-израильского конфликта. Во-вторых, цены на нефть повышались на 70%, до 5,12 долл.²⁷ В декабре 1973 г. цена была установлена на уровне 11,65 долл.

Решение ОПЕК вызвало шок в западном мире, хотя осознание случившегося приходило постепенно. Например, уже 18 октября 1973 г. “Нью-Йорк таймс” напечатала статью с красноречивым названием “Нефтяной гамбит”, а “Вашингтон пост” охарактеризовала произошедшие перемены как “новую ближневосточную реальность”²⁸, добавив, что война в который раз изменила Ближний Восток до неузнаваемости, опровергнув “привычные клише об арабах, русских и нефтяных интересах”. Номер “Бизнес уик” за 20 октября вышел с говорящим заголовком – “Арабский век”. Весьма показательными в качестве демонстрации общественного мнения могут быть слова конгрессмена-демократа У. Хейса: “Арабские лидеры не так уж и умны, – заявил он. – В действительности их интересуют только три вещи: кадиллаки с кондиционерами, дворцы с кондиционерами и гаремы с кондиционерами. Знаете ли, благосостояние большинства населения земного шара должно стоять выше этих приоритетов”²⁹.

Война и энергетический кризис стали серьезным испытанием на прочность американо-европейских отношений. По иронии судьбы именно 1973 г. был назван “годом Европы”, что выражало намерение США разрешить накопившиеся в предыдущем десятилетии разногласия в отношениях с союзниками³⁰. Однако на деле динамика взаимоотношений со странами ЕЭС оказалась не такой, как это виделось вашингтонским политикам. Понимая, что за началом поставок оружия Израилю последует нефтяное

²⁶ Implementation of the Guidelines and Priority Actions for Community Energy Policy, Information Memo P-42/73, August 1973.

²⁷ OАPEC, Secretary General’s First Annual Report..., p. 9.

²⁸ The Washington Post, 18.X.1973.

²⁹ Congressional Record, 1973, v. 119, Nov. 27, # 182, H101.

³⁰ Правда, 13.II.1974.

эмбарго, а также осознавая масштабы урона для собственной экономики, европейские страны за исключением Португалии отказали США в праве использовать свои территорию и аэродромы для переброски американских военных грузов в Израиль. Более того, Франция и Великобритания приостановили поставки оружия, закупленного еврейским государством еще до начала войны³¹.

Реакция американцев на подобное “диссидентство” весьма красноречиво может быть выражена следующей фразой госсекретаря США Г. Киссинджера: “Европейцы ведут себя как шакалы. Это просто позор. Они всячески подстрекают арабов... Они не оказали нам никакой поддержки, когда мы в этом нуждались... Когда это все закончится – а это произойдет в ближайшие несколько дней, – мы в первую очередь должны оценить состояние отношений с нашими европейскими союзниками и то, чего стоят все эти разглагольствования об общности интересов в сфере безопасности и во всех других вопросах”³². Небывалое со времен выхода Франции из военной организации НАТО неповиновение западных союзников Вашингтону не могло пройти незамеченным для внешних игроков. Так, советский журналист-международник Л.А. Безыменский отмечал: “В конце нынешнего года проблемы в НАТО носят новый, мягко говоря, своеобразный характер... Многое в мире выглядит по-разному, если смотреть на это из окон Пентагона или из министерских кабинетов в западноевропейских столицах... Время не проходит бесследно и в НАТО, где борются различные, подчас противоположные тенденции”³³.

В европейских столицах объявление состояния повышенной боевой готовности американских войск, размещенных в Европе, осуществленное Р. Никсоном без предварительных консультаций с членами НАТО вызвало панику. (Заметим, что до настоящего времени такое происходило лишь трижды: во время Карибского кризиса, Октябрьской войны 1973 г. и 11 сентября 2001 г.) Пораженные “нефтяной атакой” европейские страны подвергались мощному политическому давлению и со стороны арабских стран, и это усугубляло разногласия между США и Европой, вспыхнувших вокруг войны. Лидеры Старого света были весьма обеспокоены советско-американскими переговорами, которые в итоге привели к принятию резолюции № 338 СБ ООН и к прекращению насилия на Ближнем Востоке. Ведь Европа, мнением которой никто не интересовался и которую уведомляли постфактум о решениях, принятых сверхдержавами, была обречена пожинать плоды арабской “атаки”. В итоге осознание уязвимости собственного положения подтолкнуло ЕЭС к самостоятельным политическим шагам на ближневосточном направлении.

Париж, наиболее дипломатически активный член ЕЭС, уже 16 октября 1973 г. выступил с предложением о превращении Четырехсторонней комиссии, созданной по инициативе Франции в 1969 г. с целью преодоления последствий Шестидневной войны 1967 г. и включавшей СССР, США, Англию и Францию, в форум для проведения непрямых переговоров между участниками Октябрьской войны³⁴. Политика французского правительства досаждала главе американского внешнеполитического ведомства, Г. Киссинджеру, взявшемуся лично за улаживание ближневосточных дел, но ЕЭС не ограничился выступлениями Парижа.

6 ноября 1973 г. министры иностранных дел “девятки”, встретившиеся в Брюсселе, выпустили совместную Декларацию по поводу арабо-израильского урегулирования, полностью соответствовавшую требованиям арабской стороны. Они не только призвали обе стороны отвести свои войска к линии 22 октября 1973 г., но и провозгласили

³¹ Israel's Foreign Relations, Selected Documents, v. 2, Jerusalem, 1973, doc. 7: <http://www.mfa.gov.il/NR/exeres>

³² DDRS, Secretary's Staff Meeting, 1973, October 23, Secret, Declassified 3/3/98.

³³ Новое время, 1973, № 46, с. 10.

³⁴ The Richard M. Nixon's National Security Files (далее RMNNSF), Telegram from AmEmbassy Paris to SecState WashDC, 1973, October 16, Confidential, Declassified 12/29/04.

принципами мирного урегулирования прекращение оккупации Израилем территорий, захваченных в 1967 г., а также учет легитимных прав палестинского народа³⁵.

Все это вызывало массу вопросов в Вашингтоне. Министр иностранных дел ФРГ В. Шеель пытался объяснить американскому послу, что Декларация изначально разрабатывалась для того, чтобы выразить поддержку действиям США, а именно действиям Г. Киссинджера, как раз в это время осуществлявшего запуск своей знаменитой “челночной дипломатии”³⁶. При этом министр подчеркнул значимость европейской экономической и гуманитарной помощи палестинцам на стадии воплощения в жизнь условий мирного договора.

Пассаж Шееля, противоречивший изначально заложенной в Декларации идее, – яркое свидетельство того, что на фоне кризиса внутри самого ЕЭС вновь дали о себе знать утихшие было споры между атлантистами и европейцами. Вновь усилились опасения Сообщества относительно того, что “специальные отношения” Великобритании и США могут представлять угрозы единству политической линии ЕЭС. Так, уже 30 октября К. Соум, отвечавший за европейские дела в доживавшем последние дни правительстве Э. Хита, заявил, что ввиду чрезвычайной внутренней ситуации (забастовки шахтеров и мощнейших акций протеста) Лондон не может позволить себе идти на конфронтацию с США в ближневосточных делах³⁷.

Несмотря на все сложности и противоречия, сам по себе факт появления Декларации 6 ноября говорит о том, что окрепшие с принятием Великобритании в ряды ЕЭС позиции атлантистов были на время поколеблены односторонними действиями, предпринятыми США в ходе войны, и начавшимся энергетическим кризисом. В декабре 1973 г. на саммите Девятки в Копенгагене была принята так называемая “Декларация европейской идентичности”. В ней хотя и признавалась необходимость тесного политического сотрудничества с США “на базе равенства и в духе дружбы”, но в то же время подчеркивалась решимость ЕЭС действовать как самостоятельный и независимый актор на мировой арене³⁸.

Хотя страны Сообщества ранее и достигли договоренности о координации усилий на нефтяном фронте, все же энергетическая политика до конца 1973 г. не являлась приоритетным направлением действий европейских органов³⁹. По иронии судьбы именно в первый год существования ЕЭС в расширенном составе, в рамках “девятки”, случился кризис, который стал тестом на жизнеспособность европейской идеи. Сама по себе способность девяти стран выступить единым фронтом в ситуации экономических затруднений, таким образом, приобрела исключительное политическое значение.

Столкнувшись с эмбарго, страны ЕЭС предприняли меры по собственному спасению, казалось бы, отбросив в сторону высокие идеалы европейского единства. Проявлением этого “эгоизма” могут быть названы попытки отдельных стран добиться заключения двусторонних договоров с арабскими странами⁴⁰. (Позже эта идея была оставлена из-за опасений попадания в зависимость от одной или нескольких стран – экспортеров нефти). Таким образом, энергетический кризис в случае с ЕЭС трансформировался в кризис взаимного доверия и в кризис веры в европейскую идею, причем как среди членов самого сообщества, так и среди остальных игроков мировой арены.

³⁵ Joint statement by the Governments of the EEC, 1973, November 6.

³⁶ RMNNSF, Telegram from AmEmbassy Brussels to SecState WashDC Immediate, 1973, November 14, Secret, Declassified 12/29/04.

³⁷ The Times, 31.X.1973.

³⁸ Declaration on European Identity, Copenhagen, 1973, 14 December. – Bulletin of the European Communities, December 1973, No 12. Luxembourg, 1973.

³⁹ Jens Otto Krag, Head of the EEC Delegation in Washington. Europe-U.S. Relations, Outline of the Address at the Meeting of the Business Council, Hot Springs, Virginia, 1974, 10 May.

⁴⁰ George Thomson, Member of the Commission of the European Communities for Regional Policy. The Oil Crisis and Energy Policy, Second Denton Address on Britain's Membership in the Community, 1974, November 29.

Именно поэтому, как заметил в своей речи вице-президент Европейской комиссии Г. Симоне, одна из главных внешнеполитических задач в послекризисный период для новоиспеченной “девятки” состояла в том, чтобы определенные правительства и компании меньше стремились “строить свою стратегию исходя из идеи, что ЕЭС не представляет собой единого политического пространства”⁴¹. Ведь способность любого интеграционного комплекса к самостоятельному функционированию определяется тем, насколько он признается в качестве целостного образования внешними игроками⁴². Ситуация же конца 1973 г. для сторонних наблюдателей выглядела так, будто “в камине Общего рынка то и дело сгорают несбывшиеся надежды”⁴³.

Проверке на прочность подверглись и “атлантические узы”. Страны – члены ОЭСР так и не реализовали на практике планы по распределению нефти, поскольку существовали серьезные опасения относительно возможности усугубления эмбарго в качестве ответной меры⁴⁴. Свою роль сыграли и корпорации: в ходе кризиса их действия шли на пользу США. Повинуясь указаниям правительств стран – членов ОПЕК сократить добычу нефти, ТНК распределили всю тяжесть последствий эмбарго, направленного прежде сего против США и Нидерландов, между всеми западными странами, выступив в роли буфера между потребителями и ОПЕК⁴⁵. В этих действиях компании руководствовались либо критерием исторического происхождения (пять из семи концернов были американскими), либо установками по текущим проектам, техническими и транспортными соображениями, что предопределило особую тяжесть эмбарго в отношении Японии. В целом резкое повышение цен на нефть, скачок расходов на ее покупку, мощный удар по промышленности, рецессия и рост безработицы – все это обернулось угрозой возвращения к “политике ограбления соседа” и ростом протекционистских настроений в капиталистическом мире⁴⁶.

Разные стартовые позиции, первоначальная реакция на кризис, общая направленность докризисной политики по нефтяному вопросу и внутривнутриполитические обстоятельства детерминировали различие подходов США и европейских стран к преодолению ближневосточного конфликта, послужившего триггером энергетического кризиса. Если Париж выступал за всеобъемлющее урегулирование (всех вопросов со всеми участниками конфликта) при участии мирового сообщества, в строгом соответствии с требованиями арабской стороны, то Белый дом делал ставку на поэтапное решение, одностороннее посредничество Киссинджера (“челночную дипломатию”) и жесткость в отношении нефтяного эмбарго. В частных беседах и в своих публичных выступлениях Г. Киссинджер всячески подчеркивал отсутствие связи между политическим урегулированием и отменой нефтяного эмбарго⁴⁷, поскольку для США как для сверхдержавы было недопустимо показать, что ее дипломатическая активность мотивирована арабской “нефтяной атакой”. Однако даже деятельному главе госдепартамента не удалось добиться официальной отмены эмбарго до тех пор, пока им не была одержана победа на дипломатическом фронте – заключение соглашения о разъединении войск Израиля и Египта в январе 1974 г.

Аналогичным образом различались позиции Вашингтона и ЕЭС в отношении ответных мер на нефтяное эмбарго. Сообразно со статусом сверхдержавы США высту-

⁴¹ *Simonet H.* Vice-President of the Commission of the European Communities. Summary of the Statement to the European Parliament on Petroleum Supplies, Strasbourg, 1973, November 13.

⁴² *Барановский В.Г.* Указ. соч., с. 49.

⁴³ Новое время, 1973, № 51, с. 10.

⁴⁴ EU Commission-Press Notice, Community Energy Policy 1973–1974, Information Memo P-69/74, December 1974.

⁴⁵ *Multinational Oil Corporations and US Foreign Policy*, Report..., p. 147.

⁴⁶ См. подробнее: *Сунян В.Б.* Экономика США. СПб., 2003; *Kaplan E.S.* American Trade Policy, 1923–1995. Westport, 1996.

⁴⁷ *DDRS*, Memorandum National Security Council for Secretary Kissinger, 1973, November 3, Secret, Declassified 11/27/01.

пали с позиции силы, полагая, что сдержать “атаку ОПЕК” может лишь согласованное наступление потребителей нефти. 12 декабря 1973 г. в своей речи перед Обществом пилигримов в Лондоне Г. Киссинджер выдвинул идею создания “картеля потребителей”, или инициативной группы по вопросам энергетики (будущее Международное Энергетическое Агентство, МЭА), сравнив вызов нефтяного кризиса с запуском советского спутника в 1957 г.⁴⁸ По его мнению, приоритетными мерами по преодолению эмбарго должны были быть: координация действий потребителей с целью усиления собственных переговорных позиций, выработка планов экономии энергии, проведение геолого-разведочных работ в регионах, находящихся вне ОПЕК. Заметим, что речи госсекретаря не предшествовали какие-либо консультации с союзниками.

Кроме того, как это следует из документов, практически сразу же после введения эмбарго, США начали оказывать давление относительно возобновления поставок на Саудовскую Аравию, как по официальным каналам, так и по линии АРАМКО, главного нефтяного консорциума, действующего в королевстве⁴⁹.

Между тем неожиданно для американской стороны Европа, понесшая большой урон от арабского эмбарго выразила нежелание идти в фарватере конфронтационной политики США в отношении ОПЕК. Уже 3 декабря 1973 г. на заседании Европейского совета в Брюсселе ФРГ предложила создать в рамках ЕЭС Совет по вопросам энергетики (Energy Council) для поиска путей выхода из сложившегося кризиса, мониторинга энергетической ситуации и выстраивания отношений с арабскими странами, что противоречило генеральной линии Вашингтона.

14–15 декабря в Копенгагене прошел саммит глав правительств ЕЭС, на котором были выработаны основы энергетической политики Сообщества⁵⁰. В коммюнике, выпущенном по итогам саммита, подчеркивалась важность начала переговоров и установления широкомасштабного сотрудничества со странами – производителями нефти с целью проведения экономической модернизации, обращалось внимание на необходимость инвестиций в промышленное развитие во имя получения гарантий стабильности поставок углеводородов по приемлемым ценам в страны ЕЭС. И лишь после этого пассажа говорилось о поиске путей сотрудничества между странами-потребителями в рамках ОЭСР по совместной борьбе с экономической нестабильностью. Заметим, что саммит ознаменовался прибытием делегации министров иностранных дел Алжира, Туниса, Судана и ОАЭ. Логично предположить, что курс на установление диалога с арабскими странами начал осуществляться еще до официального изложения позиции на саммите.

Что касается внутренней энергетической политики ЕЭС, то в соответствии с решением Копенгагенского саммита уже 30 января 1974 г. Европейской комиссией была представлена экстренная энергетическая стратегия Сообщества. Она включала обмен информацией каждые 15 дней относительно импорта и экспорта углеводородов и торговли ими внутри Сообщества, совместный мониторинг изменения цен на сырую нефть и продукты нефтехимии, меры по скоординированному снижению энергопотребления⁵¹. Кроме того, созданный после декабрьской встречи в верхах Совет по вопросам энергетики приступил к разработке среднесрочной стратегии энергетической политики ЕЭС до 1985 г., в которой особые надежды возлагались на развитие атомной и альтернативной энергетики.

⁴⁸ Henry Kissinger, US Secretary of State. The US and a Unifying Europe, the Address before the Pilgrim Society, London, 1973, December 13. – Department of State Bulletin 69, №1775, 1973, December 31.

⁴⁹ FRUS 1969–1976, v. XXXVI, p. 705.

⁵⁰ The Copenhagen Summit Conference. – Bulletin of the European Communities, 1973, December, No. 12. Luxembourg, 1973.

⁵¹ EU Commission-Press Notice, the Oil Crisis, Commission Proposal to the Council, Information Memo P-3/74, January 1974.

В США копенгагенское коммюнике справедливо расценили как первый ответ на “пилигримскую речь” Г. Киссинджера, и, естественно, этот ответ вызвал недовольство американской стороны. В телеграмме, направленной из госдепартамента в Белый дом, был сделан вывод, что ЕЭС оказалось неспособно поддержать призыв США по созданию инициативной группы по вопросам энергетики, ограничившись вместо этого расплывчатыми формулировками о необходимости сотрудничества в рамках ОЭСР. Общий тон документа, по мнению Вашингтона, явился отражением желания ЕЭС дистанцироваться от США⁵².

Официальный ответ ЕЭС на лондонскую речь Киссинджера последовал лишь 9 января 1974 г. В заявлении Еврокомиссии подчеркивалась необходимость участия стран – производителей нефти в будущем МЭА и исключилась возможность односторонних действий правительств европейских стран по энергетическому вопросу в соответствии с “духом европейской идентичности”. В этом же заявлении формулировалась задача разработать принципы организации и функционирования механизма диалога со странами – производителями “черного золота”⁵³.

В целом и общем ЕЭС не могло и не хотело отказываться от участия в создании “картеля потребителей”, но, как это следует из документов, оно делало акцент на использовании старых проверенных площадок для решения энергетической проблемы, а именно Комитета по нефтяному вопросу при ОЭСР. Кроме того, судя по выступлениям некоторых официальных лиц ЕЭС, европейцы беспокоились относительно возможности использования США своих “особых отношений” с отдельными членами Сообщества (прежде всего Англии)⁵⁴, что в свете вышеизложенных заявлений британских политиков выглядело вполне вероятным.

Столкновение европейской и американской позиции относительно путей выхода из кризиса произошло на Вашингтонской конференции (11–13 февраля 1974 г.), которая была создана США как учредительный съезд “картеля потребителей”. 24 января 1974 г. Совет ЕЭС определил три первичные вопроса для обсуждения в Вашингтоне: безопасность поставок углеводородов, сотрудничество со странами – производителями нефти во имя достижения баланса интересов, сотрудничество развитых стран для проведения совместных исследовательских работ в области энергетики⁵⁵.

Как писала газета “Файнэншл таймс”, в глазах американцев данная конференция оказалась “моментом истины”, проверкой на прочность политического сотрудничества внутри западного блока⁵⁶. Издание отмечало, что общая атмосфера “нескрываемого страха, с оттенком уныния” создавала весьма мрачные опасения относительно исхода конференции. Советский обозреватель Вл. Петров охарактеризовал совещание как “сигнал к новой атаке на ослабленные бастионы Общего рынка”⁵⁷.

В самом деле, в итоге на конференции, собравшей 12 крупнейших стран – потребителей нефти, были затронуты лишь самые общие вопросы, а приоритетный для ЕЭС пункт о сотрудничестве с производителями занял в финальном коммюнике лишь пятую строчку. Франция, поначалу отказавшаяся присутствовать на мероприятии, выступила против какой-либо институционализации решений конференции, отвергнув ключевое предложение США о создании МЭА. Вполне логично, что в рамках ОЭСР, состоявшей из 25 стран, комитет которой должен был, по мысли президента Франции Ж. Помпиду, выполнять функции МЭА, США было бы сложнее проводить свой конфронтацион-

⁵² FRUS 1969–1976, v. XXXVI, p. 763.

⁵³ Collaboration with the United States in the Field of Energy, Communication from the Commission to the Council, SEC (74) 68 Final, 1974, January 9.

⁵⁴ Otto Krag. Head of the Delegation of the Commission of the European Communities at the International Symposium on Foreign Investments. Luncheon Address, 1974, February 6.

⁵⁵ EU Commission-Press Notice, Community Energy Policy, 1973–1974, Information Memo P-69/74, December 1974.

⁵⁶ Financial Times, 11.II.1974.

⁵⁷ Новое время, 1974, № 4, с. 16.

ный курс. В общем и целом Париж согласился участвовать в работе Координационной группы развитых стран, созданной по решению в Вашингтоне, но лишь при условии выступления “девятки” единой группой, что позволило бы французам занять в ней доминирующее положение⁵⁸.

В своей речи на открытии конференции Г. Киссинджер заявил о необходимости скорейшего привлечения развивающихся стран к диалогу относительно энергетической политики и анонсировал ответственность США за то, чтобы мир не оказался в ситуации экономической катастрофы 1930-х годов. При этом в ходе конференции Белый дом придерживался достаточно жесткого тона. Проведя серию встреч тет-а-тет с лидерами Канады, Британии, Германии, США, как утверждал позже министр иностранных дел Франции М. Жобер, добивались их согласия на американскую инициативу⁵⁹, шантажируя Бонн выводом своих войск, а Лондон – отказом поддерживать фунт стерлингов, пытаясь, таким образом, установить свое доминирование или расколоть делегацию ЕЭС совсем⁶⁰.

Вашингтонская конференция стала высшей точкой открытого противостояния по энергетическому вопросу между США и Францией. Это выступление трактовалось как заявка Парижа на особую роль в отношениях с Америкой, как попытка Европы пересмотреть сложившееся положение вещей, когда она фактически оказалась не у дел, а ее отсутствие при разрешении ближневосточного конфликта, вызвавшего нефтяной кризис, даже не было замечено⁶¹. Как писал обозреватель “Правды” Б.Г. Стрельников, «под натиском кризиса затрещали современные “Священные союзы”, а западногерманский “Цайт” даже назвал совещание в Вашингтоне “митингом на Потомаке”⁶².

Отказ французам присоединиться к остальным 11 участникам конференции при подписании итогового коммюнике, безусловно, во многом снижал значение и политическую ценность данного документа. Советский политический обозреватель весьма остроумно заметил в этой связи, что “в муках родившийся документ оказался со всеми признаками рахита”⁶³.

В то же время демарш Парижа стал серьезным испытанием для европейского единства. Действия французской делегации шли вразрез с постановлениями Брюсселя, запретившего странам выступать отдельно по энергетическому вопросу. Как явствует из ряда телеграмм посольства США в Брюсселе, в ходе конфликта между Парижем и Вашингтоном европейские страны почувствовали себя между молотом и наковальней. На какое-то время шок после конференции даже парализовал работу внешнеполитического механизма ряда стран⁶⁴. В своей речи перед немецкой группой Международной торговой палаты член Еврокомиссии А. Боршет так прокомментировал эту ситуацию: «Сейчас не существует ни единого признака политического сотрудничества... Трагедия произошла тогда, когда кажущееся единство “девятки” разбилось о жестокую реальность американского предложения»⁶⁵. К аналогичного рода выводам приходят и ряд исследователей, которые соглашались рассматривать ЕЭС как участника трансатлантического диалога по проблеме нефти лишь с большими оговорками⁶⁶.

⁵⁸ RMNNSF, Telegram from AmEmbass Paris to SecState WashDC Immediate, December 22, 1974, Secret, Declassified 12/29/04.

⁵⁹ Le Monde, 23.II.1974.

⁶⁰ FRUS 1969–1976, v. XXXVI, p. 893.

⁶¹ Borschette A. Member of the Commission of the European Communities. The Address to the German Group of the International Chamber of Commerce, Frankfurt, 1974, March 22.

⁶² Цит. по: Правда, 11.II.1974.

⁶³ Новое время, 1974, № 8, с. 10.

⁶⁴ RMNNSF, Telegram from AUS Mission OECD Paris to SecState WashDC Immediate, 1974, February 22, Secret, Declassified 12/29/04/.

⁶⁵ Borschette A. The Address to the German Group of the International Chamber of Commerce, Frankfurt, 1974, March 22.

⁶⁶ Барановский В.Г. Указ. соч., с. 127–129; Давыдов В.Ф., Оберемко Т.В., Уткин А.И. США и западноевропейские “центры силы”. М., 1978, с. 196–198.

На наш взгляд, ситуация не была столь однозначной. Важно, что первоначально дистанцировавшиеся от жесткой позиции Парижа европейские страны не отказались от реализации арабо-европейского диалога впоследствии. 2 марта 1974 г. состоялась личная встреча министров иностранных дел Франции и ФРГ, имевшая целью “удержать на плаву корабль ЕЭС”⁶⁷. Шеелю и Жоберу удалось расставить точки над “i” относительно разногласий, возникших на Вашингтонской конференции (именно ФРГ наиболее явно ассоциировалась с позицией США), и 3–4 марта 1974 г. состоялся первый раунд переговоров между 20 арабскими странами и “девяткой”, который явился живым воплощением позиции ЕЭС по отношению к ОПЕК.

При этом намеченная на 25 февраля встреча Координационной группы Вашингтонской конференции была перенесена на 12 марта 1974 г. США не могли не ответить на демарш Европы: в частности была отложена встреча бельгийского посла в США с У. Доналдсоном, помощником Государственного секретаря. Брюссель поспешил представить объяснения: в его интерпретации арабо-европейский диалог был не чем иным, как конкретным вкладом ЕЭС в работу Координационной группы⁶⁸.

Контраргументы Вашингтона относительно начинания “девятки” сводились к следующему: заигрывание Европы с арабами ослабляет усилия США по мирному урегулированию арабо-израильского конфликта, а истинная цель диалога – в получении гарантированного доступа к нефти арабских стран, что ослабляет единство фронта потребителей⁶⁹. “Девятка” опровергала последнее обвинение тем, что в переговорах участвовали 20 арабских стран, 13 из которых не добывали нефть вовсе. Кроме того, ЕЭС позиционировала диалог как развитие средиземноморского вектора политики Сообщества⁷⁰.

Снять напряжение вокруг арабо-европейских переговоров помогло заявление главы немецкого внешнеполитического ведомства, который известил США, что министры ЕЭС одобрили идею проведения закрытых консультаций с Вашингтоном по мере развития диалога с арабами⁷¹. Это решение носило компромиссный характер: США чисто теоретически могли подключиться к арабо-европейскому диалогу, но лишь при согласии на это всех членов ЕЭС.

Анализируя последствия конфликта вокруг Вашингтонской конференции, стоит заметить, что, оставив Францию в меньшинстве, де-факто в изоляции, США все-таки сумели реализовать на практике свой тезис о сотрудничестве импортеров нефти, которое стало развиваться параллельно с арабо-европейским диалогом. Уже 12 марта состоялась первая встреча Координационной группы Вашингтонской конференции, в ходе которой американская делегация согласилась передать вопросы распределения нефти и разработку мер экономии в руки Специальной комиссии Комитета по нефтяному вопросу ОЭСР. Эта уступка может быть расценена как уступка Франции. Кроме того, Париж повлиял на изменение самой риторики работы Координационной группы: одна из приоритетных задач – задача снижения цен на нефть путем нажима на производителей – была оставлена, и страны-потребители сосредоточились на том, чтобы обеспечить себе поставки нефти на постоянной основе.

Таким образом, конфликт на Вашингтонской конференции повлек за собой постепенное сближение французской (европейской) и атлантической (американской) позиции. Этому способствовал целый ряд обстоятельств. Во-первых, в марте 1974 г., после

⁶⁷ Financial Times, 2.III.1974.

⁶⁸ RMNNSF, Telegram from AmEmbass Brussels to SecState WashDC Immediate, 1974, March 5, 3:41, Confidential, Declassified 12/29/04.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Ch. Soames, Vice-President of the Commission in Charge of International Relations. The Speech Delivered at the Luncheon Given by the President and Members of the National Council of the Malta Trade Fair, 1974, July 12.

⁷¹ RMNNSF, Telegram from US Mission EC Brussels to SecState WashDC Immediate, 1974, March 5, Secret, Declassified 12/29/04.

многодневной закулисной борьбы и публичных увещеваний западных политиков ОПЕК отменила эмбарго на поставки нефти в США и большинство стран Европы (в отношении Нидерландов – в июне 1974 г.). Решение “нефтяного картеля” было обусловлено успехами США на дипломатическом фронте – заключением первого договора о разьединении вооруженных сил между Израилем и Египтом, а также многообещающим началом аналогичного рода переговоров между Израилем и Сирией. Снятие эмбарго и заключение договора на, казалось бы, бесперспективном в дипломатическом плане ближневосточном направлении восстановило пошатнувшийся авторитет США.

Как следствие, в американской прессе и политическом дискурсе риторика “разрушения картеля” сменилась пассажами о взаимозависимости развитого и развивающегося мира, а неприятие самой идеи проведения совместной конференции с производителями нефти уступило место согласию на проведение всеобъемлющего и инклюзивного диалога по проблеме сырьевых ресурсов⁷². Выражением этих новых настроений стала VI Специальная сессия Генеральной ассамблеи ООН (май 1974 г.), на которой были приняты Декларация и Резолюция о создании нового мирового экономического порядка (НМЭП). В данных документах излагалась новая основа отношений между странами – потребителями и производителями первичных материалов и констатировалась взаимозависимость развитых и развивающихся стран: “Текущие события поставили в центре внимания понимание того, что интересы развитых и развивающихся стран не могут быть изолированы друг от друга, что существует тесная взаимосвязь между процветанием развитых стран и ростом и развитием развивающихся стран”⁷³.

Более того, к весне 1974 г., после отмены нефтяного эмбарго, была признана возможность положительного влияния диалога потребителей и производителей нефти на “челночную дипломатию”. Как заявил Киссинджер в ходе совещания СНБ, “чем раньше мы придем [к диалогу потребителей и производителей нефти], тем больше мы сможем эксплуатировать наши все еще сильные позиции в арабском мире”⁷⁴.

Также следует отметить, что взаимная уступчивость союзников возрастала параллельно ухудшению экономической обстановки в мире. Так, в 1974 г. инфляция перевалила в странах ОЭСР за 10%, а средний уровень безработицы превысил 5%⁷⁵. В таких условиях становилось все яснее, что “огромная экономическая мощь США будет необходима в наступающем десятилетии не только для самой Америки, но и ради сохранения стабильного и справедливого мирового порядка”⁷⁶.

Наконец, в мае 1974 г. после внезапной смерти президента-голлиста Ж. Помпиду Елисейский дворец занял В. Жискард д’Эстен, политик правоцентристского толка, который намного позитивнее относился к идее трансатлантического единства, чем его предшественник.

Сближение позиций США и ЕЭС проявилось в принятии 31 июля 1974 г. на заседании Координационной группы Вашингтонской конференции Международной чрезвычайной энергетической программы, предусматривавшей создание 90-дневного запаса нефти 12 странами-участницами и разработку схемы перераспределения углеводородов в экстренной ситуации. Однако МЭА, которое должно было воплощать положения данной программы на практике, было создано позднее, лишь в ноябре 1974 г. В условиях экономического кризиса страны не спешили брать на себя конкретные обязательства в области энергетической политики. Горький опыт кризиса 1973 г. заставил ЕЭС

⁷² Walton A.M. Atlantic Bargaining Over Energy. – International Affairs, v. 52, No. 2 (Apr., 1976).

⁷³ 1 мая 1974 г., Декларация об установлении нового международного экономического порядка A/RES/3201 (S-VI) http://www.un.org/russian/documen/gadocs/6spec/r3201_s6.pdf

⁷⁴ FRUS 1969–1976, v. XXXVI, p. 954.

⁷⁵ OECD Economic Outlook, No 34, December 1983, Annual Projections for OECD Countries <http://stats.oecd.org/Index.aspx>.

⁷⁶ Jens Otto Krag, Head of the EEC Delegation in Washington. Europe-U.S. Relations, Outline of the Address at the Meeting of the Business Council, Hot Springs, Virginia, 1974, May 10.

потребовать от США большей прозрачности в деятельности ТНК. Страны Сообщества “поставили ребром” вопрос о расширении доступа к месторождениям так называемых “независимых” компаний, не входящих в число “Семи сестер”, что перекликалось с настроениями, царившими в самих США, где Сенат проводил широко разрекламированное в прессе расследование относительно роли ТНК в “нефтяной атаке”.

Некоторые опасения относительно МЭА существовали и у Вашингтона. Поскольку одним из приоритетных направлений деятельности агентства была анонсирована совместная разработка месторождений нефти за пределами ОПЕК и поиск технологий получения альтернативной и “зеленой” энергии, США опасались превратиться в донора новейших технологий для МЭА, что в итоге могло бы привести к ужесточению конкуренции на рынке энергоносителей⁷⁷.

Еще одним пунктом, задерживавшим создание МЭА, был вопрос о том, смогут ли и готовы ли США в будущем в случае повторения конфликта снабжать союзников собственной нефтью, поскольку из всех развитых стран именно США добывали наибольшее количество углеводородов. Как следует из американских документов, Вашингтон принял бы такие действия только в самом крайнем случае, если бы эмбарго оказалось наложено всеми странами – членами ОПЕК, включая Иран, который был тогда не только верным другом Вашингтона, но и не будучи арабской страной, в атаке 1973 г. участия не принимал. Этот же вопрос находился в центре внимания беседы госсекретаря США и французского министра иностранных дел Ж. Сованьярга 4 июля 1974 г., в ходе которой Киссинджер подчеркнул, что США, крепя сотрудничество между развитыми странами, делают ставку на то, чтобы исключить возможность повторения атаки: “Вы могли бы подумать, что хитроумный план США заключается в том, чтобы подчинить себе энергетическую политику Европы, но это не в наших интересах”, – уверял он⁷⁸.

Уступчивость Франции по вопросу о МЭА и, в свою очередь, смягчение агрессивной риторики США относительно арабо-европейского диалога открыли путь к разработке целостной программы энергетической политики ЕЭС. 27 ноября 1974 г. Европейским советом была одобрена новая всеобъемлющая программа “О новой стратегии сообщества в нефтяной политике до 1985 г.”, которая предусматривала меры по расширению производства энергии силами и за счет имеющихся ресурсов самого Сообщества, рационализацию использования топлива, сокращение к 1985 г. потребления нефти на 15%, снижение зависимости от импорта углеводородов с 63 до 50%. Важно отметить, что основное бремя расходов по реализации данных положений возлагалось на нефтяные компании⁷⁹. Тогда же было принято решение, согласно которому в случае сокращения поставок нефти в одну из стран она могла обратиться в Еврокомиссию и по решению последней страны – члены ЕЭС должны были бы сократить собственное потребление нефти в течение 10 дней. Все вышеперечисленные меры были одобрены 17 декабря 1974 г. в ходе встречи министров энергетики стран – членов ЕЭС⁸⁰. Положительное влияние событий нефтяного кризиса на судьбы ЕЭС проявилось еще и в том, что оно, столкнувшись с вызовом жесткой позиции США, совершило дальнейший шаг на пути к интеграции. На волне кризиса в 1974 г. было институционализировано создание Европейского совета – проводимого трижды в год совещания глав правительств стран – членов ЕЭС, наиважнейшей функцией которого являлось принятие решений по особо сложным вопросам.

Таким образом, к концу 1974 г. была разрешена дилемма “европейская интеграция – атлантическая кооперация”, возникшая в посткризисный период. Эмоции и алармистские настроения, обуявшие западный мир в конце 1973 г., уступили место прагма-

⁷⁷ FRUS 1969–1976, v. XXXVI, p. 491.

⁷⁸ Ibid., p. 1006, 1059.

⁷⁹ EU Commission, Proposed Council Regulation (EEC) Concerning Support to Common Projects for Hydrocarbon Exploration, COM (74) 1962 final, 1974, November 27.

⁸⁰ General Secretariat of the Council of the European Communities, 22nd Review of the Council's Work, 1974, 1 January–31 December.

тическому подходу. В декабре 1974 г. на о. Мартиника состоялась встреча⁸¹ президента США Дж. Форда с французским коллегой, на которой была пересмотрена линия отношений между Парижем и Вашингтоном. В инструкции, выработанной на встрече глав правительств европейских государств 10–11 декабря 1974 г., значилось, что с целью сдерживания рецессии в развитом мире президент Франции в ходе беседы с Дж. Фордом должен подчеркнуть важность сближения позиций западных стран по финансовым и прочим вопросам, а также необходимость сотрудничества между странами – производителями и странами – потребителями нефти⁸².

Встреча на Мартинике вдохнула жизнь в МЭА. Среди приоритетных направлений деятельности агентства были названы: укрепление сотрудничества между странами-членами с целью снижения зависимости от импорта нефти, развитие энергосберегающих технологий и альтернативных источников энергии, проведение консультаций с ТНК, выработка “защитных мер” на случай сбоя в поставках энергоносителей⁸³. Также МЭА должно было способствовать налаживанию диалога со странами – производителями нефти для поддержания стабильности на мировом рынке энергоносителей и рационального использования энергоресурсов, но оно так и не стало “картелем потребителей”, в том “наступательном” смысле, в котором его задумывал Вашингтон изначально. В пользу того, что МЭА явилась продуктом компромисса между изначально трудно совместимыми позициями Парижа и Вашингтона, свидетельствует тот факт, что агентство было создано как автономное учреждение в рамках ОЭСР, на чем изначально настаивала Франция. Расположение штаб-квартиры агентства – во французской столице – также не является простым совпадением.

Преодоление разногласий между Белым домом и Елисейским дворцом проложило путь дальнейшему сотрудничеству внутри западного сообщества. 15–17 ноября 1975 г. во французском городе Рамбуйе состоялся первый в истории саммит “Большой шестерки” (трансформировавшийся впоследствии в “Большую семерку”, “Большую восьмерку” и, наконец, в “Большую двадцатку”), в ходе которого лидеры шести крупнейших экономик мира подтвердили свою приверженность делу укрепления сотрудничества развитых стран в энергетической сфере⁸⁴. И хотя по окончании саммита вопросов осталось больше, чем ответов, укрепление солидарности наиболее развитых стран мира выступало неким противовесом все громче заявлявшему о себе и своих правах Третьему миру.

* * *

Итак, энергетический кризис 1973–1974 гг. оказал неоднозначное влияние на отношения Западной Европы и США. В первые месяцы после Октябрьской войны жесткая позиция Вашингтона в отношении арабских стран и отрицательное отношение к диалогу ЕЭС – арабские страны заставляли европейских политиков, прежде всего французскую сторону, говорить о дилемме европейской интеграции и атлантической кооперации⁸⁵.

Разликие стартовых возможностей и целевых установок двух рассматриваемых акторов, США и стран ЕЭС, стали причиной расхождения их мнений относительно путей преодоления энергетического кризиса. В то время как США руководствовались

⁸¹ The Washington Post, 16.XII.1975.

⁸² European Parliament Working Documents 1974–1975, Document 436/74, Report Drawn up on Behalf of the Political Affairs Committee on the Results of the Conference of Heads of Government Held in Paris on 9 and 10 December, 1974.

⁸³ History of the IEA, v. 1 <http://www.iea.org/Textbase/nppdf/free/1-ieahistory.pdf>

⁸⁴ First Rambouillet Summit, Declaration of Rambouillet, 1975, November 17 http://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2000/past_summit/01/e01_a.html

⁸⁵ Henry Simonet, Vice-President of the Commission of the European Communities. European Europe or Atlantic Europe: a Real Dilemma or a Bogey Issue, the Address to the Belgian-American Chamber of Commerce in the US, New York, 1974, November 14.

соображениями собственного авторитета, которому был нанесен ущерб группой стран Третьего мира, а также задачей достижения победы в противостоянии с СССР в рамках ближневосточной подсистемы международных отношений, для ЕЭС, первый год существовавшего в составе девяти государств, одной из ценностей являлось сохранение и упрочнение целостности Сообщества.

Конфликт внутри Европейского сообщества по вопросу о необходимости блокирования с США на “нефтяном направлении” явился продолжением спора между европейцами-атлантистами и европейцами-националистами.

Аналогичным образом нежелание Парижа и ЕЭС в целом идти в фарватере конфронтационной политики США в отношении ОПЕК вписывалось в рамки сложного процесса пересмотра отношений внутри западного блока, начавшегося в финансовой и экономической сфере в конце 1960-х годов.

Изоляция Франции, которой Г. Киссинджер сумел добиться на конференции в Вашингтоне, заставила Париж в итоге проявить гибкость в отношении американской позиции. Проецируя данный эпизод на более широкий фон отношений между союзниками, можно говорить о том, что действия США на Вашингтонской конференции служили продолжением усилий по преодолению кризиса доверия, порожденного решением генерала де Голля покинуть военную организацию НАТО, бывшей своеобразной осью, вокруг которой структурировался западный блок.

Когда угроза нефтяного эмбарго была устранена, а первоначальные эмоциональные порывы уступили место более рациональному осмыслению сложившейся ситуации, началось сближение позиций ЕЭС и США. В итоге западные страны выбрали многовекторную политику выхода из нефтяного кризиса, которая включала в себя и арабо-европейский диалог, и МЭА, и расширение торгового партнерства с другими странами, в том числе с СССР. То, что в итоге МЭА в соответствии с требованиями европейской стороны по набору своих целей стало отличаться от изначального проекта “картеля потребителей”, явилось отражением возросшего влияния и самостоятельности ЕЭС вследствие изменения баланса сил внутри западного блока.

С высоты сегодняшнего дня мы можем утверждать, что, несмотря на все трудности и издержки, в долгосрочной перспективе энергетический кризис 1973–1974 гг. дал положительный импульс отношениям ЕЭС и США. Положив конец эре “дешевой нефти”, арабский мир заставил западный блок “сомкнуть щиты”. Появление форума Большой шестерки, создание знаменитой Трехсторонней комиссии с целью координации усилий бизнес-структур и властей США, Европы и Японии и пр. – все это – ответы, данные западным миром на вызовы новой эпохи, эпохи, в которой углеводороды превратилась в один из важнейших факторов мировой политики.